

Дмитрий Чарков

16+

СЖИГАЯ

ПРЕД СОБОЙ

МОСТЫ

Дмитрий Чарков

Сжигая перед собой мосты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54166502

SelfPub; 2020

Аннотация

Глубокий тыл во время Великой Отечественной войны. "Коктейль Молотова", изготовленный пареньком для фронта, может обернуться ГУЛАГом для его отца. Или преследовать в поколениях. И в современном мире внук, стоя над гробом деда, пытается постичь смысл переkreшенных молота и серпа – тоже своего рода крестное знамение. "Сжечь за собой мосты" – значит отрезать себе всякую возможность к отступлению. А в случае поджога моста впереди себя – значит действительно видеть выход, но сознательно лишиться себя возможности им воспользоваться...

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвезть и умереть.
Сергей Есенин

Дед лежал на шести широких, составленных вместе стульях, посреди комнаты. Плотная штора позади него была задернута, и лучи заходящего солнца еле-еле пробивались сквозь широкие металлические кольца круглой деревянной гардины под высоким сталинским потолком. На древнее бабушкино трюмо в углу комнаты было наброшено бежевое махровое полотенце. Полумрак и тишина.

Рядом с изголовьем, в глубоком кресле-качалке, сидел отец, подперев одной рукой голову и уставившись в точку где-то на полу, различимую только ему.

– Проходи, – сказал он, не поднимая глаз на сына.

Иван как-то неловко переступил порог и присел на тахту у стены.

Дед Николай выглядел как обычно, когда отдыхал после обеда на своём огороде – хмуро и замкнуто. Он даже и руки всегда так же складывал чуть повыше выпирающего живота, который в последнее время поддерживал кожаный бандаж. В голове Ивана промелькнул бестолковый вопрос: «Интересно, а сейчас под его пиджаком надет этот бандаж?» Он пе-

ревёл взгляд на острый гоголевский нос и дальше, на редкие седые пряди. Рядом с его головой, на стуле, лежал маленький томик Есенина из родительской библиотеки – внук сразу узнал его: в последнее время, приходя на семейные обеды, дед неизменно усаживался с ним у торшера, надевал очки в роговой оправе с толстыми стёклами и так сидел, перечитывая давно известные строки, пока Иван или младший, Борис, не увлекали деда к общему столу.

Странно, но этот томик сейчас не выглядел неуместным у деда в изголовье.

– Идите, помяните, – позвала с кухни мама.

Иван подождал, пока отец тяжело поднялся, и сам вслед за ним встал с тахты. Проходя мимо, Сергей Николаевич тихо проговорил:

– Пойдём, Иван, помянем деда.

Тот молча кивнул, затем подошёл ближе к стульям. Их высокие спинки на одном уровне образовывали черту, вдруг показавшуюся ему неким физическим барьером, отделявшим внука от деда, как жизнь от смерти. И ещё она представилась той полосой, что была в этот момент общей – и для Ивана, и для Николая Кузьмича: каждому своя сторона, но в целом единая лента. Сбоку на круглом обеденном столе, поодаль от окна, стояла погашенная свечка на металлической крышке от стеклянной банки. Он достал из кармана спички и, чиркнув, поднёс зардевшее пламя к тонкой белой нити – не хотелось оставлять его здесь совсем одного.

На кухне мама уже приготовила рюмки и тонко нарезанное наспех сало с хлебом. Тут же в глубокой походной миске лежали соленья – огурцы, помидоры, отдельно грибочки: дед был мастером на эти штуки, а Сергей Николаевич и Иван Сергеевич уже – вишь как! – «не крутили». Не было ни времени на свой огород, ни интереса к своей зелени.

Может, ещё появятся.

– Ну, царствие ему небесное! – сказала мама.

Отец укоризненно посмотрел на жену, но промолчал, выпив и бережно поставив рюмку на голубую клеенчатую скатерть. Иван последовал его примеру. В семье партийного работника такие выражения не были в привычном обиходе.

Никто тогда не мог и подумать, что не пройдет и трёх лет, как сам он, убежденный коммунист, будет стоять перед иконой Спасителя, осеняя себя крестным знамением – молча, стиснув зубы, вспоминая прожитые годы теперь уже таким неуверенным взглядом из проклятых девяностых...

После водки от сердца немного отлегло. Отец с матерью закурили. Неожиданно Сергей Николаевич произнёс задумчиво:

– Батя крутой был мужик, а ведь... меня в жизни и пальцем не тронул. Только один раз...

Иван хрустнул ядреным дедовским огурцом и взглянул на отца. В годы развитого социализма такое отношение к подрастающей смене тоже не было в обиходе: детей частенько лупили, как сидоровых коз. Впрочем, не по внутренней зло-

бе в большинстве случаев, а так – исключительно в целях коммунистического воспитания. Тогда всех лупили в этих целях, не только детей, и не только сидоровых.

– Помнишь тот мост на Угловой, под которым трамваи проезжают, мимо «Дальдизеля»? – спросил отец, наливая по второй.

– Конечно, – кивнул Иван.

Это был небольшой металлический пролёт метров длиною двадцати над оврагом, по дну которого проложили трамвайные пути. Мост соединял нефтебазу с речным портом, и по нему регулярно гоняли покрытые снаружи нефтяной пленкой цистерны с горючим. В том районе постоянно стоял невыветриваемый специфический запах химикатов. Недалеко располагалась и средняя школа, для заводских, которую он закончил, сын советских интеллигентов. Тогда вопросы экологии и производственной безопасности трактовались несколько иначе, чем годы спустя: детей с малолетства приучали нюхать если не порох, то нефть и металл, и играть неподалёку: суровое, но счастливое детство.

– Мост тот не всегда был стальным. Во время войны он был деревянным. А завод назывался «Арсенал», в цехах дизели собирали для танков, а на нефтебазе готовили топливо, и по мосту перегоняли на платформах в порт, там перегружали... в общем, режимный объект.

Отец поднял рюмку.

– За батю! – коротко сказал он; Иван тоже выпил, а ма-

ма пригубила. – Твой дед во время войны был начальником цеха на «Арсенале». Ответственная работа, сам понимаешь. Как он умудрился пережить тридцать седьмой, а потом и сорок первый – уму непостижимо.

– Такой молчун был, – вставила мама.

– Да, – кивнул отец, – может, поэтому и выжил, что молчал: ни о себе, ни о ком-то другом слово из него не выдавишь. Лиши изредка, и то – только хорошее, по делу. Очень сдержанный батя человек... был.

Он неторопливо отправил в рот маленький кусочек сала с хлебом, сдобренные чесноком, и продолжил:

– Я тогда маленьким пацаном ещё бегал, меня в заводском райончике нашем все знали: если футболом стекло кто высадит – ну, Серёжка Буранов, кто ж ещё! Или в «цыганском саду», что возле школы, зелёные груши обдерёт – «а, вон Серёжку спросите, он точно знает!», или косточки от вишни по всей девичьей раздевалке в спортзале... Голодные ж ходили постоянно – война. Не знаю уже, правда или нет, чтоб я таким шалопаем рос, как бабки судачили... и я ли вообще всё это проделывал – но в тот день, когда сгорел мост, батя мне всыпал по первое число.

Ведь я его и спалил.

Не специально, конечно. Я в тот день, помню, испытывал новый коктейль Молотова собственного рецепта: тоже хотелось что-то для фронта... Наскрёб в пустую бутылку черной маслянистой травы с насыпи, по которой нефтяные цистер-

ны толкали, приправил всё это такими же вонючими листьями, поджѐг и – хрясь! – об каменную глыбу, тут же, в овражке. Оно как полыхнуло всё – и вверх по насыпи, по сушняку, а ветром и к мосту понесло. А он деревянный, тоже весь такой промасленный и черный – в один миг полыхнул. Не помню от страха, как я дома очутился – но быстро-быстро! Отец после ночной смены отдыхал, увидел меня, увидел зарево в овраге – догадался сразу. Матушка рассказывала: побелел весь... Это же саботаж: в военное время, при Сталине – подумать только! Батя тут же меня за уши – и в погреб. «Сиди, – говорит, – не пискни мне!» Сам побежал к мосту. Там, понятное дело, уже люди: кто-то с лопатами, вѐдрами – землёй закидывают пламя, чтобы по шпалам не распространилось дальше по железнодорожной колее да по склонам насыпи, потом ещё пожарные подоспели. Но куда уже... мост выгорел начисто. Хорошо хоть нефтезавод не полыхнул.

Батя в тот день долго не возвращался – мать уже думала: всё, в эн-кэ-вэ-дэ определили. Ближе к полуночи только пришѐл – черный весь, усталый, пропахший гарью и нефтепродуктами. Но на меня сил хватило. «Где Серѐжка?» – спрашивает. Маманя на подпол кивает, мол, ты ж сам его туда засадил; она мне за день только попить да поесть пару раз спускала, и всё – я так и сидел: попробуй отца послушаться, ага! Он открывает половицы, достаѐт меня за шкуру... Помню, мама ладошки так нервно прижала ко рту, в ужасе смотрит, но сама слово произнести боится – еѐ-то, поди,

тоже в рабоче-крестьянской семье растили, знает порядки. Сестра младшая уже спала в соседней комнате, старший брат мой на смене на заводе был. Отец, доставая ремень из петель штанов, шептал мне в ухо – как сейчас его слышу: «Сестру разбудишь – самолично сдам тебя Петьке жирному». (Дядя Петя жил тогда в соседнем подъезде и был кем-то, кого все сторонились. И боялись. Но ходил в «гражданке» – чистенький и отглаженный, пузатый такой, козёл. В пятьдесят пятом он испарился из города – до сих пор никто о нём ничего не слышал.) Я, конечно, не пикнул, пока меня батя ремешком-то своим обхаживал – молчал; не от боли даже, а от страха перед дядей Петей. На задницу потом неделю сесть не мог и ходил, как на раскорячке.

Слухи среди заводских, конечно, были – мол, сынок Николая Кузьмича постарался на мосту, но в лицо бате такое сказать боялись. Мать тоже пресекала враз все расспросы – никто меня там не видел, в общем-то: овраг глухой, все дети – как дети, были на занятиях, меня одного на испытания вместо литературы занесло. Но прогул урока не означал же виновности в поджоге! Родители сказали, что я в тот день ушёл с литературы, потому как заболел. Оно и правдой оказалось: за партой потом я сидеть всё равно не мог, а в сыром холодном погребке действительно простыл за несколько часов, так что неделю потом в постели провалялся. Если б ещё не рыбий жир... тьфу, гадость такая! – но спасал же... В принципе, как я позже узнал, никто о поджоге официально

и не говорил тогда вовсе – никаких посторонних предметов на месте пожара найдено не было. Осколки бутылок – да их там куча всегда, заводские мужики с получки частенько там околачивались на солнышке, а от моей обгоревшей спички и головки даже не осталось. Признали возгорание случайным, в общем, и мост восстановили за три дня. Зато с тех пор он стальной – тоже ведь заслуга, а? Но батя мой тогда, можно сказать, из петли нас всех вытащил: если б хоть на секунду сдрейфил, не так на кого-то глянул, засомневался... не посмотрели бы, что стахановец, коммунист, что каждый месяц в военкомате скандалил из-за того, что в тылу его гнобят...

– Сергей Николаевич, гроб привезли, – послышался голос соседки тётки Кати в коридоре.

– Ну, давай по третьей, за деда, и пойдём, – отец выдохнул обжигающий перегар и прикрыл рот ладонью. – А через двадцать лет я работал там, в районе, первым секретарём райкома комсомола... Вот ведь как.

Апрель 1944

Мост уже полыхал, когда Николай подбежал к насыпи, с ведром и лопатой, которые прихватил со двора сразу же. Воздух тут, казалось, извергал напрямую в лёгкие смрад пожарища с привкусом нефти.

– Николай Кузьмич, что делать-то?! – кричала бежавшая ему навстречу Валя, машинист паровоза, размахивая синим платком, сорванным с головы. Сам черный стальной бегемот замер в сотне метрах от пламени – женщина вовремя заметила неладное на мосту и затормозила.

В посёлке все друг друга знали по имени. Здесь, на месте, Николай, похоже, оказался единственным пока авторитетным руководителем – с него и спрос потом за тушение будет. Авторитетный, по всему выходит, спрос.

Он оглянулся по сторонам: отовсюду к пожару спешили люди. Кто успел вёдра прихватить, кто лопаты, кто багры стянул с ближайших щитов – благо, тут их наткано было чуть ли не частоколом, на нефтяном перегоне.

Под мостом протекал ручей – ручей, проходящий через нефтебазу. По нему часто школьники запускали деревянные кораблики, которые дрейфовали в неспешном потоке к реке вместе с ажурными нефтяными пятнами. Иногда, впрочем, пятна были и керосиновыми, как догадывался Николай Кузьмич. И если таскать воду из этого ручья и лить её на огонь...

– Стой, Степан...! Нельзя оттуда! – крикнул он парню, уже зачерпнувшему ведро воды, стоя по щиколотку, в кирзачах, в ручье.

– Ты что, Николай Кузьмич?! По шпалам же понесёт! Смотри, ветер какой...

– Брось, говорю тебе! Давай землёй – наполняем ею вёдра и на шпалы вываливаем, с обеих сторон. Наталья, лови всех,

кто со стороны реки подтягивается, а я тут... Две команды по обе стороны – одни снимают сухой дёрн с подветренной насыпи, другие делают трёхметровый отсып из земли поперёк шпал! Степан, стоняй ещё за вёдрами в школу – там же в сарае их склад. Взялись..!!!

Сам он начал грузить со склона оврага сухую песчаную землю сразу в два ведра и бегом подтаскивать их вверх, к огненной кромке на путях, в десятке метров от моста, раздавая по ходу резкие команды женщинам, снимавшим ещё не тронутый огнём сухой и просмоленный дёрн на подветренном склоне.

С другой стороны железнодорожный откос был из гальки – оттуда беды ждать не приходилось, слава богу. В воздухе стоял треск от пожираемого пламенем сухих деревянных балок моста; то и дело слышались отрывистые реплики, когда кто-то вдруг поскальзывался с тяжёлыми вёдрами на железнодорожном склоне; ветер относил в сторону черное марево, и это позволяло людям хоть как-то дышать.

Через пятнадцать минут подъехали пожарные на трёх лошадиных подводах, с водяными бочками и ручными помпами. Единственный на посёлок «ГАЗ» с тысячелитровой цистерной сюда подобраться не смог бы – оставили на повороте к переезду. Пожар к этому времени удалось остановить от распространения по откосу и шпалам, но мост полыхал багряным заревом – вот-вот рухнет. Подоспевшие бригады сразу активно включились в заданный ритм и уже через две-

три минуты поливали бушующее пламя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.